

24 февраля 1978 г. № 17 (5129)

На соискание Ленинской премии

Труд и дарование

ТВОРЧЕСТВО ИРИНЫ АРХИПОВОЙ — ВОПЛОЩЕНИЕ ХАРАКТЕРНЫХ ЧЕРТ СОВЕТСКОЙ ВОКАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Среди бесчисленного множества восторженных оценок таланта солистки Большого театра СССР Ирины Константиновны Архиповой в ее гигантском пресс-досье есть и такие, где ее дарование и мастерство сопоставляются с искусством Федора Ивановича Шаляпина. Спорность и неожиданность данной аналогии в аналитическом аспекте, однако, обретает известную правомерность. Сопоставления эти я встречал в высказываниях американских критиков, видевших в творческом почерке нашей выдающейся певицы столь же яркое воплощение характерных черт советской вокальной школы, каковым было для русского дореволюционного певческого искусства исполнительство Шаляпина.

Разумеется, всякое сравнение относительно, тем более в такой сложной области, как оценка явлений искусства. Относительно и это, поскольку гигантский гений великого русского певца неповторим и несоизмерим ни с чем в сфере вокально-сценического искусства. Но в основной посылке своей здесь содержится верная мысль. Действительно, особенности вокального мастерства И. Архиповой уже на протяжении многих лет концентрируют в себе многое из того, что типично для советской вокальной школы в целом.

О чем в этом аспекте должна идти речь?

Прежде всего следует акцентировать чисто вокальное мастерство И. Архиповой. Неустанная труженица в искусстве, неизменно ставящая перед собой и решающая творческие задачи максимальной трудности, она отшлифовала свой голос до высшей степени совершенства. Обладая поначалу легким высоким меццо-сопрано, певица столь расширила его диапазон, палитру тембровых красок, что за последние годы критики многих стран затрудняются даже в квалификации голоса И. Архипо-

вой. Его «диагностируют» и как контральто с беспредельно-яркими верхами, и как меццо-сопрано чрезвычайно большого объема, и даже как драматическое сопрано с «ненормально» звучным нижним регистром.

Идеальная ровность ее звуковедения вызывает аналогию с пением скрипичного, точнее, альтового смычка. та же органичность рождения кантилены, бесконечное мелодическое дыхание, точнейшая выверенность каждой интонации. Такого рода певческое мастерство сравнивают обычно с инструментальной виртуозностью. Но в данном случае аналогия эта не годится, поскольку она предполагает несколько более холодную сравнительно с человеческим голосом палитру тембровых красок, а голос И. Архиповой отличается теплотой, сердечностью эмоционального тона во всех регистрах вплоть до самых крайних верхних и нижних нот.

Виртуозная сама по себе вокальная техника выдающейся советской певицы ни в коей мере не носит у нее самодовлеющий характер. Всегда и во всех случаях она направлена на раскрытие замысла композитора, на воплощение его в неотразимо впечатляющих музыкальных и музыкально-сценических образах. Это в равной степени ощутимо и на оперной сцене, и на концертной эстраде. Что касается первой — основной сферы творческой деятельности И. Архиповой, то аргументация здесь весьма широка и разнообразна. Уже с момента блистательного дуэта с Марио дель Моннако в «Кармен» она вышла в первые ряды оперных певцов мира. Ее Марфа, Любава, Амнерис, принцесса Эболи, Комиссар в «Оптимистической трагедии» А. Холминова, Нилонна в опере «Мать» Т. Хренникова — работы, образцовые в самом полном и точном смысле слова как в плане вокально-музыкального, так и сцениче-

ского компонентов синтетического оперного образа. Из партий, подготовленных и спетых певицей за последние годы, особо примечательны справедливо выдвинутые на соискание Ленинской премии Любава в «Садко» и Азучена в «Трубадуре». Примечательны тем отточенным мастерством, когда и в сценическом рисунке, и в палитре вокальных красок, и в музыкальной фразировке нет ничего лишнего и ничего второстепенного, когда все подчинено одной цели — облечению в реальное звучание мысли композитора и донесению ее до слушателя и зрителя.

Ничего недоделанного, приблизительного, пусть и внешне яркого, соблазнительно-эффектного И. Архипова никогда не признавала и не признает. В этом смысле, помимо оперных работ, характерны ее концертные программы, репертуар которых в последние сезоны становится все более интересным и содержательным. Интересным по количеству редко исполняемых, забываемых вокалистами камерных произведений и оперных фрагментов. Содержательным благодаря взыскательному вкусу певицы, неизменно обращающей внимание на незаслуженно отошедшие в тень забвения шедевры русской и западноевропейской классики.

Особого внимания здесь заслуживают, на мой взгляд, органные программы Ирины Константиновны. В вокальной музыке Баха и Генделя, содержащей огромные, для многих современных певцов непреодолимые технические трудности, с особой полнотой раскрываются присущая ее почерку «смычковая кантиленность» звуковедения и благородство, тонкость музыкальной фразировки.

И рядом с этим виртуозный блеск, огромный эмоциональный размах во фрагментах итальянских опер

композиторов XVIII и XIX столетий, мудрая простота трактовки романсов русской классики. Слушая И. Архипову в камерных программах, год от года поражаешься расширению ее репертуарно-творческого диапазона. И опять-таки задачи она ставит перед собой неизменно все более сложные. Симптоматичен в этом плане ее возросший интерес к философской вокальной лирике Танеева.

Трудно достичь высот мастерства. Еще труднее удержаться на них, ибо процесс этот непрерывен и предполагает стабильно-динамичное развитие по восходящей бесконечной параболе. Данная истина в полной мере относится и к труднейшему искусству вокального исполнительства. Ирина Константиновна Архипова прекрасно понимает это. Ее слова о том, что завоевавший популярность артист обязан каждый раз «выступать лучше самого себя», стали для нее девизом всей творческой жизни, непрерывно, сколь бы это ни было трудно, реализуемым на оперной сцене и концертной эстраде. Находящийся в зените талант ее достоин присуждения Ленинской премии.

Достоин и сам по себе, и по тому месту, который он занимает сейчас в советской вокальной школе. Не будет преувеличением сказать, что исполнительство И. Архиповой начало в ней эпоху своеобразного ренессанса. Для Е. Образцовой и И. Богачевой, Г. Ковалевой и Е. Мирошниченко, М. Виешу, Т. Милашкиной и Н. Ткаченко (данные примеры можно, естественно, расширить и за счет певцов мужчин) типично упомянутое единение виртуозной вокальной техники и высокой музыкально-сценической культуры. И. Архипова в этом плане являет собой характерную концентрацию процессов развития нашего вокального исполнительства, и зарубежные критики верно подметили это. Что же касается пусть и спорной в чем-то аналогии ее дарования с талантом Шаляпина, то разве уже сама по себе параллель эта не является величайшей похвалой любому певцу?

Ин. ПОПОВ.